Google

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Sm 1602.9
1

Digitized by Google

Библиотека
А. Смирдина
№ 16029.

Slovanská knihovna
SLOVANSKÁ KNIHOVNA
3186270185

Digitized by Google

16029

Digitized by Google

Digitized by Google

16021

Н. ГОГОЛЬ.

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ

Служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

16129

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

Служащія продолженіемъ *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.*

Н. ГОГОЛЯ.

163350

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 кожную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

Digitized by Google

Bm 16029/1

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 29 Декабря 1834 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

Digitized by Google

Погрѣшность.

Въ повѣсти Вій, по неосмотрительности, пропущена половина страницы, объясняющая какимъ образомъ Бурсакъ узналъ въ Сотниковой дочери вѣдьму, приходившую къ нему въ видѣ старухи.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТАРОСВѢТСКІЕ

ПОМѢЩИКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТАРОСВѢТСКІЕ

ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не

Digitized by Google

промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное щекотурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешся и думаешъ, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ

Digitized by Google

фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ анбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ анбара, отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него, — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть; можетъ быть отъ того, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкачивали подъ крыльцо, кучеръ преспокойно слезалъ съ козелъ и набивалъ трубку,

Digitized by Google

какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое

Digitized by Google

жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькой домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳонасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Иванова Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳонасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳонасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько сурьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ луч-

Digitized by Google

шаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ Малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но

Digitized by Google

всегда вы: вы, Аѳонасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. »Это вы продавили стулъ, Аѳонасій Ивановичъ?« — »Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.« Они никогда не имѣли дѣтей и отъ того вся привязанность ихъ сосредоточилась въ нихъ самихъ. Когда-то въ молодости Аѳонасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ, но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳонасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ о немъ. Аѳонасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ о немъ. Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія давно превратились или замѣнились спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ какими-то гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращен-

Digitized by Google

номъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ. Или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ и душистая трава вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лезетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе распрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго. Онъ, напротивъ, распрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе въ обстоятельствахъ вашей собственной жизни, удачахъ и неудачахъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно

Digitized by Google

нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою. Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленьки, низеньки, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому, что и Аѳонасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда, прозябнувши отъ преслѣдованія за какой нибудь брюнеткой, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая ладонями. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами

Digitized by Google

хозяева давно позабыли ихъ содержаніе и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы вѣрно этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками. Одинъ представлялъ какого-то Архіерея, другой Петра III. Изъ узенькихъ рамъ глядѣла Герцогиня Ла Вальеръ, обпачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыхъ какъ-то привыкаетъ почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваетъ. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняной, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностію, съ какою вѣрно не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ семенами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старин-

Digitized by Google

ныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтія прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать отъ чего они пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дисканшомъ; дверь, ведшая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень неправится сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать

Digitized by Google

скрыпъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнатой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ уже стоящимъ на столѣ, Майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами, соловьемъ обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей.... и Боже какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и до нынѣ садятся Архіереи. Трехъугольные столики по угламъ, четырехъугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыхъ мухи усѣяли черными точками, коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими

Digitized by Google

на цвѣты и цвѣтами, похожими на птицы — вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики. Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимостью держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностію. Но къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго; тѣмъ болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, выключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами и если не ѣлъ, то ужъ вѣрно спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было. На стеклахъ оконъ

Digitized by Google

звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳонасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь; и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желемъ, пастилою, дѣланныхъ на меду въ сахарѣ и не помню еще на чѣмъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ

Digitized by Google

мѣдномъ лембикѣ водку на персиковыя листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворошить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, они потопили бы наконецъ весь дворъ, потому что Пульхерія Ивановна всегда сверхъ расчисленнаго на потребленіе любила приготовлять еще на запасъ, если бы большая половина этаго не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои. Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Прикащикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собствен-

Digitized by Google

ные, надѣлывали изъ нихъ множество саней, и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизировать свои лѣса. Для этаго были запряжены дрожки, съ огромными кожанными фартухами, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ возжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта и бубны и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣла, такъ что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которыхъ она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними. »Отъ чего это у тебя, Ничипоръ,« сказала она, обратясь къ своему прикащику, тутъ же находившемуся »дубки сдѣлались такъ рѣдкими?

Digitized by Google

Гляди, чтобы у тебя волосы не были рѣдки.« — »Отъ чего рѣдки?« говаривалъ обыкновенно прикащикъ: »пропали! Такъ таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали.« Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дулей. Эти достойные правители, прикащикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе анбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины, наконецъ и эту половину привозили они заплеснѣвшую или подмоченную, которую обраковали на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали прикащикъ и войтъ, какъ ни ужасно жрали всѣ въ дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственною мордою толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ, сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны, сколько вся дворня ни

Digitized by Google

носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ анбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось къ всемірному источнику, т. е. къ шинку, сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳонасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старички, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофею, Аѳонасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, стряхнувши платкомъ, говорилъ: »Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!« На дворѣ ему обыкновенно попадался прикащикъ. Онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, распрашивалъ о работахъ, съ величайшею

Digitized by Google

подробностью, и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства и какой нибудь новичекъ не осмѣлился бы и подумать о томъ, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но прикащикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе какъ нужно хозяйничать. Послѣ этого Аѳонасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: »А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть пора закусить чего нибудь.« — »Чего же бы теперь, Аѳонасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или можетъ быть рыжиковъ соленыхъ?« — Пожалуй хоть и рыжиковъ, или пирожковъ,« отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳонасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебренную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и

Digitized by Google

прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. »Мнѣ кажется, какъ будто эта каша«, говаривалъ обыкновенно Аѳонасій Ивановичъ, »немного пригорѣла; вамъ этаго не кажется, Пульхерія Ивановна?« — »Нѣтъ, Аѳонасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.« — »Пожалуй«, говорилъ Аѳонасій Ивановичъ и подставлялъ свою тарелку: »попробуемъ, какъ оно будетъ.« Послѣ обѣда Аѳонасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: »Вотъ попробуйте, Аѳонасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.« — »Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный къ

Digitized by Google

срединѣ,« говорилъ Аѳонасій Ивановичъ принимая порядочный ломоть: »бываетъ, что и красный, да не хорошій.« Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳонасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязга въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного погодя онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: »чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?« — »Чего же бы такого?« говорила Пульхерія Ивановна: »развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?« — »И то добре«, отвѣчалъ Аѳонасій Ивано-

Digitized by Google

вичъ. »Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?« — »И то хороше«, отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, было съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳонасій Ивановичъ еще кое чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ. Комната, въ которой спали Аѳонасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ. Но Аѳонасій Ивановичъ еще сверхъ того, что бы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳонасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ. Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: »чего вы стонете, Аѳонасій Ивановичъ?« — »Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, такъ какъ будто немного животъ болитъ«, говорилъ

Digitized by Google

Аѳонасій Ивановичъ. »Можешъ быть, вы бы чего нибудь съѣли, Аѳонасій Ивановичъ?« — »Не знаю, будешъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! впрочемъ, чего жъ бы шакого съѣсшь?« — »Кислаго молочка, или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.« — »Пожалуй, развѣ шакъ шолько попробовашь«, говорилъ Аѳонасій Ивановичъ. Сонная дѣвка ошправлялась рышься по шкапамъ и Аѳонасій Ивановичъ съѣдалъ шарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: »шеперь шакъ какъ будшо сдѣлалось легче.«

Иногда, если было ясное время и въ комнашахъ довольно шепло нашоплено, Аѳонасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошушишь надъ Пульхеріею Ивановною и поговоришь о чемъ нибудь посшороннемъ. »А чшо, Пульхерія Ивановна,« говорилъ онъ: »если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?« — »Вошъ эшо Боже сохрани,« говорила Пульхерія Ивановна кресшясь. — »Ну, да положимъ, чшо домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли шогда?« — »Богъ знаешъ, чшо вы

Digitized by Google

говорите, Аѳонасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого непопуститъ.« — »Ну, а если бы сгорѣлъ?« — »Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.« — »А если бы и кухня сгорѣла?« — »Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣсть выстроился бы новый домъ.« — »А если бы и кладовая сгорѣла?« — »Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.« Но Аѳонасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались

Digitized by Google

угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ Казенной Палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость ни какимъ образомъ не былъ отпускаемъ того же дня: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. »Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!« всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3хъ или въ 4хъ отъ нихъ верстахъ). »Конечно,« говорилъ Аѳонасій Ивановичъ: »неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недоброй человѣкъ.« — »Пусть Богъ милуетъ отъ

разбойниковъ!« говорила Пульхерія Ивановна. »И къ чему разсказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ, я знаю вашего кучера, онъ такой тендитной да маленькой, его всякая кобыла побьетъ; да при томъ теперь онъ уже вѣрно наклюкался и спитъ гдѣ нибудь.«

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но впрочемъ вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳонасій Ивановичъ согнувшись сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и объ политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что

Digitized by Google

Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳонасій Ивановичъ часто говорилъ какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: »Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?« — »Вотъ уже и пошелъ!« прерывала Пульхерія Ивановна. »Вы не вѣрьте ему,« говорила она, обращаясь къ гостю. »Гдѣ уже ему старому идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ таки прицѣлится и застрѣлитъ.« — »Что жъ,« говорилъ Аѳонасій Ивановичъ: »и я его застрѣлю.«— »Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!« подхватывала Пульхерія Ивановна: »Куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ и лице изкалечитъ и на вѣки несчастнымъ останется!« — »Что жъ,« говорилъ Аѳонасій Ивановичъ:

Digitized by Google

»я куплю себѣ новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику.« — »Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову и начнетъ разсказывать,« подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. »Я и знаю, что онъ шутитъ, но все таки непріятно слушать. Вотъ эдакое онъ всегда говоритъ, иной разъ слушаетъ, слушаетъ, да и страшно станетъ.« Но Аѳонасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. »Вотъ это,« говорила она, снимая пробку съ графина, »водка, настоянная на деревій и шалфей. Если у кого болятъ лопатки или поясница, то она очень помогаетъ. Вотъ это на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ. А вотъ эта перегнанная на персиковыя косточки, вотъ возмите рюмку, какой прекрасный запахъ. Если какъ

Digitized by Google

нибудь, вставая съ кроваши, ударится кто объ уголъ шкапа или стола и набѣжитъ на лбу гугля, то стоитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ — и все какъ рукой снимешъ, въ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало.« Послѣ этого, такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ. »Вотъ это грибки съ щебрецомъ! это съ гвоздиками и волошскими орѣхами; солитъ ихъ выучила меня Туркеня, въ то время, когда еще Турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая Туркеня и незамѣтно совсѣмъ, чтобы Турецкую вѣру исповѣдывала. Такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородинымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ! А вотъ это большія травянки: я ихъ еще въ первый разъ мариновала; не знаю, каковы-то они; я

Digitized by Google

узнала секретъ отъ отца Ивана. Въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разослать дубовые листья и потомъ посыпать перцомъ и селитрою и положить еще, что бываетъ на Ничуйвитерѣ, цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разослать вверхъ. А вотъ это пирожки! это пирожки съ сыромъ! это съ урдою! а вотъ это тѣ, которыя Аѳонасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею.«

»Да,« прибавлялъ Аѳонасій Ивановичъ: »я ихъ очень люблю; они мягкіе и немножко кисленькіе.« Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! Она вся была отдана гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ и хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однако жъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому, что если бы здѣсь

Digitized by Google

вздумалъ кто нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этаго мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, на оборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего Государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, Полководцы его прославляются и наконецъ все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ нѣгдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ и ссора объемлетъ наконецъ города, потомъ веси и деревни, а тамъ и цѣлое Государство. Но оставимъ эти разсужденія: они не идутъ сюда.

Digitized by Google

При томъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была серинькая кошечка, которая всегда почти лежала свернувшись клубкомъ у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую баловванная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но просто привязалась къ ней привыкши ее всегда видѣть. Аѳонасій Ивановичъ однакожъ часто подшучивалъ надъ такою привязанностію. »Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ. На что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?« — »Ужъ молчите, Аѳонасій Ивановичъ,« говорила Пульхерія Ивановна: »вы любите только говорить и больше ничего. Собака не чистоплотная, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.«

Digitized by Google

Впрочемъ Аѳонасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ прикащикомъ, можетъ быть отъ того, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ. Находясь въ городахъ, они, не смотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе циливизированы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, большею частію народъ мрачный и дикій. Они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ необработаннымъ голосомъ. Они подрываются иногда подземнымъ ходомъ

Digitized by Google

подъ самые анбары и крадутъ сало, являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще никакія благородныя чувства имъ не извѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ анбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны и наконецъ подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизировала свой огородъ и возвращалась съ вырванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аѳонасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будто по инстинкту, произнесла: кисъ, кисъ! и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣринькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что

Digitized by Google

она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностію бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣринькая бѣглянка почти въ глазахъ ея растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Она протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная видно уже слишкомъ свыклась съ хищными котами, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палатъ, а коты были голы какъ соколы, какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Digitized by Google

Задумалась старушка: »Это смерть моя приходила за мною!« сказала она сама въ себѣ и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳонасій Ивановичъ тушилъ и хотѣлъ узнать, отъ чего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳонасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

»Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?«

»Нѣтъ, я не больна, Аѳонасій Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что я этого лѣта умру: смерть моя уже приходила за мною!«

Уста Аѳонасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ однакожъ побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и улыбнувшись сказалъ: »Богъ знаетъ что вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы вѣрно вмѣсто декогта, что часто пьете, выпили персиковой.«

Digitized by Google

» Нѣтъ, Аѳонасій Ивановичъ, я не пила персиковой,« сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳонасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной и онъ смотрѣлъ на нее и слеза повисла на его рѣсницѣ.

» Я прошу васъ, Аѳонасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,« сказала Пульхерія Ивановна. » Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣринькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье. На что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на случай когда пріѣдутъ гости, то что бы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ. «

» Богъ знаетъ что вы говорите, Пульхерія Ивановна! « говорилъ Аѳонасій Ивановичъ: » когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами. «

Digitized by Google

»Нѣтъ, Аѳонасій Ивановичъ, я уже знаю когда моя смерть. Вы однакожъ не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скорѣ увидимся на томъ свѣтѣ.«

Но Аѳонасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

»Грѣхъ плакать, Аѳонасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю. Объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любило васъ то, которое будетъ ухаживать за вами.« При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

»Смотри мнѣ, Явдоха,« говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: »когда я умру, чтобы

Digitized by Google

шы глядѣла за паномъ, чшобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дишя. Гляди, чшобы на кухнѣ гошовилось шо, чшо онъ любишъ. Чшобы бѣлье и плашье шы ему подавала всегда чисшое; чшобы, когда госши случашся, шы принарядила его прилично, а шо пожалуй онъ иногда выйдешъ въ сшаромъ халашѣ, пошому, чшо и шеперь часшо позабываешъ онъ, когда бываешъ праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молишься за шебя на шомъ свѣшѣ и Богъ наградишъ шебя. Не забывай же, Явдоха: шы уже сшара, шебѣ не долго жишь, не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присмашривашь, шо не будешъ шебѣ счасшія на свѣшѣ. Я сама буду просишь Бога, чшобы не давалъ шебѣ благополучной кончины. И сама шы будешь несчасшна, и дѣши швои будушъ несчасшны, и весь родъ вашъ не будешъ имѣшь ни въ чемъ благословенія Божія. «

Бѣдная сшарушка! она въ шо время не думала ни о шой великой минушѣ, кошорая ее ожидаешъ, ни о душѣ своей, ни

Digitized by Google

о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нее Аѳонасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ, такъ была сильна и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳонасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. »Можетъ быть вы чего нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна? « говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ послѣ долгаго молчанія, какъ будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами — и дыханіе ея улетѣло.

Аѳонасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико,

Digitized by Google

что онъ даже не заплакалъ. Мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не зная всего значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу — онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ, множество гостей пріѣхало на похороны, длинныя столы разставлены были по двору, кушья, наливки, пироги лежали кучами, гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею; священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные ребенки плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ гробъ поставили надъ ямой, ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу: онъ подошелъ,

Digitized by Google

поцѣловалъ, на глазахъ его показались слезы, но какіе-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли, густой протяжной хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ, работники принялись за заступы и земля уже покрыла и сравняла яму, — въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: »Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?!..« Онъ остановился и недокончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ — онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно и слезы какъ рѣка лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ? Я зналъ одного человѣка въ цвѣтѣ

Digitized by Google

юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ, я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти — нѣжная прекрасная какъ Ангелъ — была поражена ненасытною смертію. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человѣкъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ни чего, чтобы сколько нибудь походило на надежду.... Его старались не выпускать съ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя, онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что онъ употребилъ ее, это было — купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ. Они вбѣжали въ его

Digitized by Google

комнату и увидѣли его распростертаго съ раздробленнымъ черепомъ. Врачь, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану не совсѣмъ смертельною и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылеченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе. Даже за столомъ не клали возлѣ его ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить; но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему разтрощило руку и ногу; но онъ опять былъ вылеченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ: онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ: нешитуверщъ закрывши одну карту и за нимъ облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳонасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то

Digitized by Google

пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору; домъ мнѣ показался вдвое старѣе, крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія также, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень въ дворѣ были совсѣмъ разрушены и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для заслонки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хвороста. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу, тѣ же самыя барбосы и бровки, уже слѣпые, или съ перебитыми ногами, залаяли поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшенные репейниками хвосты. На встрѣчу вышелъ старикъ. Такъ это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты; казалось, все было въ нихъ по прежнему, но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное

Digitized by Google

отсутствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя одолѣваютъ нами, когда мы вступаемъ первой разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи тогда, когда видимъ передъ собою того человѣка, котораго всегда знали здоровымъ, безъ ноги. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ колодочки; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искуствомъ. О хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳонасія Ивановича салфеткою и очень хорошо сдѣлала, потому, что безъ того онъ бы весь халатъ свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости, онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ и мысли не разбродились, но

Digitized by Google

исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу, вилку свою, вмѣсто того, чтобы вонзить въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣсколько минутъ слѣдующаго блюда. Аѳонасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: »Что это такъ долго не несутъ кушанья?« Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ свѣсивши голову на скамью.

»Вотъ это то кушанье,« сказалъ Аѳонасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* со смѣтаною, »это то кушанье«, продолжалъ онъ и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее. »Это то кушанье, которое по... по... покой.... покойни...« и вдругъ брызнулъ слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разби-

Digitized by Google

лась, соусъ залилъ его всего; онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку и слезы, какъ ручей, какъ немолчно точущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

Боже! думалъ я, глядя на него: пять лѣтъ все истребляющаго времени — старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ — и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнѣе надъ нами: страсть, или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей — есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста и потому одному только кажутся глубоки и сокрушительны. Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ

Digitized by Google

силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лице его судорожно исковеркивалось и плачь дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которые обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастія: это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пуншу; нѣтъ! это были слезы, которые текли неспрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Странно однако же то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳонасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно яв-

Digitized by Google

ственнымъ голосомъ: Аѳонасій Ивановичъ! Онъ оборотился, но никого совершенно не было, посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты — нигдѣ никого. День былъ тихъ и солнце сіяло. Онъ на минуту задумался; лице его какъ-то оживилось и онъ наконецъ произнесъ: »Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!« Вамъ, безъ сомнѣнія, когда нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имяни, который простолюдимы объясняютъ такъ: что душа стосковалось за человѣкомъ и призываетъ его; послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечикъ въ это время переставалъ, ни души въ саду; но признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная со всѣмъ адомъ стихій настигла

Digitized by Google

меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины, среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ на встрѣчу какой нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ какъ свѣчка и наконецъ угасъ такъ какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя. »Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны«, вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви близь могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простаго народа и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый

Digitized by Google

прикащикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ остававшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ неизвѣстно откуда какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ не помню въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ Англинскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ и наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣ куры и яйцы. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель,

Digitized by Google

который впрочемъ жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пунштъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ недолго. Онъ до сихъ поръ ѣздишъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи; тщашельно освѣдомляешся и примѣниваешся къ цѣнамъ на разные большіе произведенія, продающіеся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее, но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищашь трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

»А поворотись сынку! цурь тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ Академіи?«

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской Бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Digitized by Google

Сыновья его только что слезли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ подлоба, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно потупивъ глаза въ землю.

»Постойте, постойте дѣти,« продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: »какія же длинныя на васъ свитки. * Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было. А ну побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?«

»Не смѣйся, не смѣйся батьку!« сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

»Фу ты какой пышной! а отъ чегожъ бы не смѣяться?«

»Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то ей Богу поколочу!«

* Свиткой называется верхняя одежда у Малороссіянъ.

Digitized by Google

»Ахъ ты сякой такой сынъ! Какъ, батька?« сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

»Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.«

»Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

»Да ужъ на чемъ бы то ни было.«

»Ну давай на кулаки!« говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

»Вотъ это сдурѣлъ старый!« говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и неуспѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. »Ей Богу сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ Богъ знаетъ что: биться на кулачки.«

»Да онъ славно бьется!« говорилъ Бульба остановившись. »Ей Богу хорошо! такъ таки«, продолжалъ онъ, немного оправляясь: »хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну здоровъ сынку!

Digitized by Google

почеломкаемся!« И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. »Добре сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ. Никому не спускай! А все таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка виситъ? А ты, Бейбасъ, что стоитъ и руки опустилъ?« говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. »Чтожъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?«

»Вотъ еще выдумалъ что!« говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. »И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било роднаго отца? Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ), ему бы теперь нужно отпочить и поѣсть чего нибудь, а онъ заставляетъ биться!«

»Э да ты мазунчикъ, какъ я вижу!« говорилъ Бульба. »Не слушай, сынку, матери: она баба. Она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле, да доброй конь; вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю — вотъ ваша

Digitized by Google

машерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и Академія и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, все это *ка зна що*, я плевать на все это!« Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно и потому его можно пропустить. »Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа! Вотъ тамъ только наберетесь разуму.«

»И только всего одну недѣлю быть имъ дома?« говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. »И погулять имъ бѣднымъ не удастся и дому родного нѣкогда будетъ узнать имъ и мнѣ неудастся наглядѣться на нихъ!«

»Полно, полно старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе, да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и дру-

Digitized by Google

гими вытребеньками, а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шинѣла какъ бѣсъ! «

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ паничей, которые не любили спускать никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начинала раждаться мысль объ Уніи. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькіе съ круглыми матовыми стеклами, какіе встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняныя кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки Венеціянской, Турецкой и Черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертые руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя

Digitized by Google

скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь разъѣхавшаяся на полъ комнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на израсцахъ — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякой казакъ, носившій оружіе. Бульба только при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

»Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Останъ, и ты, Андрій! Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! Чтобы бусурменовъ били, и Турковъ бы били, и Татарву били бы, когда и Ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и Ляховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша

Digitized by Google

горѣлка? А какъ по Лашыни горѣлка? То-то сынку, дурни были Лашынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишъ того звали, что Лашинскіе вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?«

»Вишъ какой батька,« подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: »все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается.«

»Я думаю, Архимандритъ«, продолжалъ Бульба: »не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ субботки драли васъ и по середамъ и по четвергамъ?«

»Нечего, батько, вспоминать,« говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: »что было, то уже прошло.«

»Теперь мы можемъ росписать всякаго«, говорилъ Андрій: »саблями да списами. Вотъ пусть только попадется Татарва.«

Digitized by Google

»Добре, сынку! ей Богу добре! Да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ, да за свинарями? Или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я казакъ. Я не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу ѣду!« И старый Бульба мало по малу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ за стола и, пріосамившись, топнулъ ногою. »Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать. Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки?« При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки. Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми

Digitized by Google

угрожала такая скорая разлука — и ни кто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ. Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ и при томъ на полукочующемъ востокѣ Европы во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой-то вольный, широкій размѣръ, подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ Полковниковъ. Но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за

Digitized by Google

то, что добыча, пріобрѣтенная отъ Татаръ соединенными Польскими и Казацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровно и Польскіе войска получили болѣе преимущества. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: »Когда вы, господа Полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ. А я наберу себѣ собственный полкъ и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать какъ утереть губы.« Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовался его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе и уже какъ снѣгъ на голову являлся на конѣ своемъ. »Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?« обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ прежде всего онъ строго

Digitized by Google

разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или неуважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ Православною вѣрою — въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе во славу Божію, Христіанства и Казачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго казака, если бы лице его не сохраняло какой-то повелительности и

Digitized by Google

даже величія, особливо когда онъ рѣшался защищать что нибудь. Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: »Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцевъ привелъ!« Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье— эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ сотоварищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія. Но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этаго была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, кото-

Digitized by Google

раго называлъ Товкачемъ, потому, что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину, во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, разчищая своею саблей, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ покамѣсть онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этаго пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чортомъ.

»Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель. Мы будемъ спать на дворѣ.«

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба

Digitized by Google

любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло; прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. »Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ! Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ!« говорила она и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лице. Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила

Digitized by Google

любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ соборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нее, берутъ

Digitized by Google

для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ, можетъ быть при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочикъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ. Можетъ быть онъ задумалъ отъ того такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхнія листья вербъ начали лепетать и мало по малу лепечущая струя

Digitized by Google

спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

»Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ Стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою) Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великой лежитъ!«

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія; возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные съ серебряными подковами, шаровары шириною въ Черное море, съ тысячью скла-

Digitized by Google

докъ и со зборами, перешянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные Турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшіе, казалось похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

»Ну, сыны, все готово! нѣчего мѣшкать!« произнесъ наконецъ Бульба. »Теперь, по обычаю Христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.«

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

»Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!« сказалъ Бульба. »Моли Бога, чтобы

Digitized by Google

они воевали храбро, защищали бы всегда честь Лыцарскую, * чтобы стояли всегда за Вѣру Христову, а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ.« Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. »Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...« далѣе она не могла продолжать.

»Ну пойдемъ, дѣти!« сказалъ Бульба. У крыльца стояли осѣдланныя кони. Бульба вскочилъ на своего чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилип-

* Рыцарскую.

Digitized by Google

нула къ сѣдлу его и съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она со всею легкостію дикой козы, не сообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною безчувственною горячностію; ее опять увели. Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который однако же съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; одни только вершины деревъ, деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю

Digitized by Google

исторію жизни, отъ лѣтъ, когда качались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телеги одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Digitized by Google

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ казакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей.

Digitized by Google

Онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зеницѣ и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ Кіевскую Академію, потому что всѣ почетныя сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ Бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько тлефовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю и четыре раза отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но безъ сомнѣнія, онъ по-

Digitized by Google

вторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлые двадцать лѣтъ и что онъ не увидитъ Запорожья во вѣки, если не выучится въ Академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтывалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе незаниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. При томъ же это республиканское устройство Бурсы, это ужасное

Digitized by Google

множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, все это соединившись раждало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная Бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго Бурсака. Консулъ, долженствовавшій по обязанности своей наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эта Бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ Польскихъ и Русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ

Digitized by Google

воевода, Адамъ Кисель, не смотря на оказываемое покровительство Академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ это наставленіе было вовсе излишне, потому что Ректоръ и Профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей и часто Ликторы по ихъ приказанію пороли своихъ Консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ наконецъ сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, не смотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже Богословію, но никакъ не избавлялся неумолимыхъ розгъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ

Digitized by Google

рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но за то онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго Бурсака и никогда ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтатель, нежели

Digitized by Google

его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда съ помощію изобрѣтательнаго ума своего умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси; нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души,

Digitized by Google

ношому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили Малороссійскіе и Польскіе дворяне и домы были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то Польскаго пана и сидѣвшій на козлахъ возница съ престрашными усами хлыснулъ его довольно исправно бичемъ. Молодой Бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, они рванули — и Андрій, къ счастію успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицемъ

Digitized by Google

въ грязь. Самой звонкой и гармонической смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную какъ не знаю что, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее совсѣмъ потерявшись, разсѣяно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая кучею въ богатомъ убранствѣ стояла за воротами, окруживши игравшаго молодаго бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время Ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь съ свойственною однимъ Бурсакамъ дерзостію онъ пролезъ чрезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшими въ самую крышу

Digitized by Google

дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и чрезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчею и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серги. Прекрасная Полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидѣла, что Бурсакъ стоялъ потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. При томъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ Полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серги и на-

Digitized by Google

кинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтренныя Полячки и которая повергла бѣднаго Бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную Татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывесть его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ Бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣсть быстрыя ноги не спасли его. Послѣ этого, проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ

Digitized by Google

ее еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому; онъ видѣлъ ее всколзь еще одинъ разъ и послѣ этаго воевода Ковенскій скоро уѣхалъ и вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лице. Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія и высокая трава обступивши скрыла ихъ и только казачьи черныя шапки одни мелькали между ея колосьями.

»Э, э, э! что же это вы хлопцы такъ притихли?« сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: »какъ будто какіе нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!«

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ

Digitized by Google

шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло, сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіяся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею

Digitized by Google

пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесённый Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми степи, какъ вы хороши! — Наши путешественники нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ 10 казаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ

Digitized by Google

горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темно-зелеными; испаренія подымались гуще, каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголубатемному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овраги

Digitized by Google

выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя, и какъ серебро отдавался въ воздухѣ. Путешественники остановившись среди полей избирали ночлегъ; раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свитакахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву, весь ихъ трескъ, свистъ, краканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо

Digitized by Google

въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ и тогда казалось, что красные платки лѣтали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья, все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: »смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ Татаринъ!« Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и какъ серна пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ. »А ну, дѣти, попробуйте догнать Татарина? И не пробуйте; во вѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего чорта.« Однакожъ Бульба

Digitized by Google

взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Таштаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь. Чрезъ три дня послѣ этаго они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ дотолѣ спертый порогами бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на поромъ и чрезъ три

Digitized by Google

часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣча, такъ часто перемѣнявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу съ перевощиками. Казаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи кашки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ на встрѣчу, это былъ Запорожецъ,

Digitized by Google

спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ неостановиться и неполюбоваться на него.

»Эхъ какъ важно развернулся! Фу ты какая пышная фигура!« говорилъ онъ, остановивши коня. Въ самомъ дѣлѣ это была картина довольно смѣлая: Запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на поларшина земли. Шаровары алаго дорогаго сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять, да палить изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или, по Татарски войлокомъ. Иные установлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора,

Digitized by Google

или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно ни кѣмъ показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ Запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и несдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: »здравствуйте, панове.« — »Здраствуйте и вы!« отвѣчали Запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Они всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну! Пущники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась Рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ Запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа

Digitized by Google

музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясавалъ молодой Запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: »живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ Христіанамъ!« И Ѳома съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодаго Запорожца четыре старыхъ выработывали довольно мѣлко своими ногами, вскидывались, какъ вихорь на сторону, почти на голову музыкантамъ и вдругъ, опустившись, неслися въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу и въ воздухѣ только отдавалось: тра та та, тра та та. Толпа чѣмъ далѣе росла; къ танцующимъ приставали другіе и вся почти площадь покрылась присѣдающими Запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ самой вольной, самой бѣшеной

Digitized by Google

какой только видѣлъ когда либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе казачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія и досадуя, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезъ чуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступника, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли притти въ голову человѣку въ разгульномъ весельи, раздавались свободно. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: »А это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!« И вишязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра Восточной Россіи, цѣловались взаимно и тутъ понеслись вопросы: »А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ?« и

Digitized by Google

слышалъ только въ отвѣтѣ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самой Царь-Градъ. — Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: »добрые были казаки!«

Digitized by Google

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, не смотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакаго теоретическаго изуче-

Digitized by Google

нія, или какихъ нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя отъ того были почти безпрерывны. Промежутки же между ними казаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то безпрерывное пиршество; балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговли; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Это не было какое нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя; это было просто какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякой приходящій сюда

Digitized by Google

позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, неимѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другаго источника. Разсказы, балагары, которыя можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность Запорожца, чтобы не смѣяться ото всей души. Это не былъ какой нибудь пьяный кабакъ, гдѣ безсмысленно, мрачно, искаженными чертами веселія забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти тысячахъ коней, вмѣсто луга, на которомъ

Digitized by Google

производилась игра въ мячикъ; у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ Татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ Турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые по благородному обычаю не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-Жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что нибудь уронить. Здѣсь были всѣ Бурсаки, которые не вынесли Академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали,

Digitized by Google

что такое Горацій, Цицеронъ и Римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить: что все равно, гдѣ бы ни воевать только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ Польскихъ войскъ; впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина. Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа и хоть бы кто нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго

Digitized by Google

только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ Кошевому, который обыкновенно говорилъ: »Здравствуй, что во Христа вѣруешъ?« — »Вѣрую!« отвѣчалъ приходившій. »И въ Троицу Святую вѣруешъ?« — »Вѣрую!« — И въ церковь ходишъ?« — »Хожу.« — »А ну перекрестись!« Пришедшій крестился. »Ну, хорошо!« отвѣчалъ Кошевой: »ступай же въ который самъ знаешъ курень.« Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію Жиды, Армяне и Татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что Запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селись у подошвы Везувія, потому что какъ только у Запорожцевъ неста-

Digitized by Google

вало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей. Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостію юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и Бурсу, и домъ отцовскій, и все, что тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни. Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы скорѣе затѣять какое нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

»Что, Кошевой,« сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ Атаману: »можетъ быть пора бы погулять Запорожцамъ?«

»Нѣгдѣ погулять,« отвѣчалъ Кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

»Какъ нѣгдѣ? Можно пойти въ Турещину, или на Татарву.«

Digitized by Google

»Не можно ни въ Турещину, ни въ Татарву«, отвѣчалъ Кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

»Какъ не можно.«

»Такъ. Мы обѣщали Султану миръ.«

»Да онъ вѣдь бусурменъ: и Богъ и и Священное Писаніе велитъ бить бусурменовъ.«

»Не имѣемъ права. Если бъ мы не клялись нашею Вѣрою, то, можетъ быть, какъ нибудь еще и можно было.«

»Какъ же это, Кошевой? Какъ же ты говоришъ, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди — имъ нужно пріучиться и узнать, что такое война, а ты говоришъ, что Запорожцамъ не нужно на войну итти.«

»Что жъ дѣлать?« отвѣчалъ Кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: »нужно подождать.«

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ Старшинъ и Куренныхъ Атамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на

Digitized by Google

площадь, гдѣ обыкновенно собиралась Рада и стояли привязанныя къ столбу лишавры, въ которыя обыкновенно били зборъ на Раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у Довбища, они схватили по полѣну и начали колошить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ Довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, не смотря на то страшно заеканнымъ.

»Кто смѣетъ бить въ лишавры?« закричалъ онъ.

»Молчи! возьми свои палки, да и коломи когда тебѣ велятъ,« отвѣчали подгулявшіе Старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою; очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Лишавры грянули—и скоро на площадь, какъ шмѣли, начали собираться черныя кучи Запорожцевъ.

За Кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

»Небойся ничего!« сказали вышедшіе къ нему на встрѣчу Старшины: »Говори

Digitized by Google

міру рѣчь, когда хочешъ, чтобы не было худаго, говори рѣчь объ томъ, чтобы итти Запорожцамъ на войну противъ бусурмановъ!« Кошевой увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ: »Панове Запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли Господарство ваше рѣчь держать?«

»Говори. говори!« зашумѣли Запорожцы.

»Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, Панове добродійство, да вы можетъ быть и сами лучше это знаете, что многіе Запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. При томъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза невидали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и Запорожецъ изъ него, естьли онъ еще ни раза не билъ бусурмана?«

Digitized by Google

—»Вишь, онъ хорошо говоритъ«, сказалъ писарь толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

»Не думайте, панове, чтобы я впрочемъ говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ, я только такъ это говорю. При томъ же у насъ храмъ Божій, грѣхъ сказать что такое. Вотъ сколько лѣтъ уже какъ по милости Божіей стоитъ Сѣчь, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебрянную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что отказали въ духовной иные казаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту, не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами. Ибо мы обѣщали Султану миръ и намъ бы великой былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.«

—»Вишь проклятой! что это онъ путаетъ такое?« сказалъ Бульба писарю. »Да такъ видите панове, что войны не-

Digitized by Google

можно начать. Честь лыцарская не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ. Пусть немного потарпаютъ берега Анатоліи. Какъ думаете, панове?«

»Веди, веди всѣхъ!« закричала со всѣхъ сторонъ толпа: »за вѣру мы готовы положить головы.«

Кошевой испугался. Онъ ни мало не желалъ тревожить всего Запорожья. При томъ ему казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ. »Позвольте, панове, рѣчь держать?«

»Довольно!« кричали Запорожцы: »лучшаго нескажетъ.«

»Когда такъ, то пусть по вашему, только для насъ будетъ еще большее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что Султанъ неоставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы вотъ видите будемъ на готовѣ и силы у насъ будутъ свѣжія. При томъ же и Татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да естьли сказать правду, то у насъ и человѣкъ нѣтъ въ запасѣ, что-

Digitized by Google

бы можно было всѣмъ отправиться. А я пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли.«

Хитрый Атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, Куренные атаманы совѣщаться и рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу занимавшему опасныя границы, среди буйныхъ сосѣдей. И странно есть-ли бы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. При томъ какъ можно было такимъ гулливымъ рыцарямъ и въ такой гулливой вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны.

Молодежъ бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились въ мигъ съ топорами въ рукахъ. Старые загорѣлые

Digitized by Google

широкочленистые Запорожцы съ просѣдью въ усахъ, засучивъ шаровары стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено въ скарбницу на противуположной утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенной суровой видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ казаковъ въ оборванныхъ свитакахъ. Безпорядочный костюмъ, у нихъ ничего небыло кромѣ рубашки и трубки, показывалъ, что они были слишкомъ угнѣтены бѣдою, или уже черезъ чуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый лѣтъ

Digitized by Google

пятидесяти человѣкъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

»Богъ въ помощь вамъ, панове Запорожцы!«

»Здравствуйте,« отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, приостановивъ свое занятіе.

»Позвольте, панове Запорожцы, рѣчь держать!«

»Говори.«

И толпа усѣяла и обступила весь берегъ.

»Слышили ли вы, что дѣлается на Гетманщинѣ?«

»А что?« произнесъ одинъ изъ Куренныхъ Атамановъ.

»Такіе дѣла дѣлающся, что и разсказывать нечего.»

»Какіе же дѣла?«

»Что и говоришь. И родились и крестились еще невидали такого,« отвѣчалъ приземистый казакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

»Ну, ну, разсказывай, что такое!« кричала въ одинъ голосъ толпа.

Digitized by Google

»А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слыхали?«

»Нѣтъ, неслыхали.«

»Какъ же это? чтожъ вы развѣ за горами живете, или Татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши ваши?«

»Разсказывай! полно толковать,» сказали нѣсколько Старшинъ стоявшихъ впереди.

»Такъ вы неслышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святые, какъ шинки на аренды?«

»Нѣтъ.«

»Такъ вы неслышали и про то, что уже Христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣсть разсобачій жидъ неположитъ значка нечистою своею рукою.«

»Ничего неслышали!« кричала толпа подвигаясь ближе.

»И что Ксензы ѣздятъ изъ села въ село въ шарашайкахъ, въ которыхъ запряжены пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то просто православные Христіане. Такъ вы можетъ быть и того незнаете, что нечисто Католи-

Digitized by Google

чество хочешь, чтобъ мы кинули и вѣру нашу Христіанскую. Вы можетъ быть не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки.«

»Стой, стой!« прервалъ Кошевой, дотолѣ стоявшій углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда неспѣшивались первому порыву, но молчали, и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. »Стой! и я скажу слово: а чтожъ вы, врагъ бы поколотилъ вашего батька, что жъ вы, разнѣ у васъ сабель не было что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?«.

»Э, какъ попустили такому беззаконію,« отвѣчалъ приземистый казакъ: »а попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячь было однихъ Ляховъ, да еще къ тому и часть гетманцевъ приняла ихъ вѣру.«

»А Гетманъ вашъ, а Полковники что дѣлали?«

Digitized by Google

»Э, Гетманъ и Полковники! А знаете гдѣ теперь Гетманъ и Полковники?«

»Гдѣ?«

»Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а Гетманъ зажареный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ.«

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и мигъ послѣ того чувства подавляемыя до тѣла въ душѣ силою дюжаго характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей. »Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова? чтобы эдакое дѣлать съ Православными Христіанами, что бы такъ замучить нашихъ, да еще кого? Полковниковъ и самаго Гетмана! Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этаго небудетъ.« Такія слова перелѣтали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа. Зашумѣли Запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это небыло похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все, характеры тяжелые и крѣп-

Digitized by Google

кіе. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго неостыть. »Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну паны браты, перевѣшаемъ всю жидову! Что бы и духу ея небыло« произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей и толпа ринулась на предмѣстье съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, разстерявши все присутствіе своего и безъ того мѣлкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже заползывали подъ юбки своихъ жидовокъ. Но неумолимые, безпощадные мстители вездѣ ихъ находили.

»Ясневельможные паны!« кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ. »Ясневельможные паны! Мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать какое важное.«

Digitized by Google

»Ну пусть скажутъ!« сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

»Ясные Паны!« произнесъ жидъ. »Такихъ Пановъ еще никогда невидывано. Ей Богу! никогда. Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ небыло еще на свѣтѣ...« Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха. »Какъ можно, чтобы мы думали про Запорожцевъ что нибудь нехорошее. Тѣ со всѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! Ей Богу не наши! то со всѣмъ не жиды: то чертъ знаетъ что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ тоже. Неправда ли Шлема, или ты, Шмуль?«

»Ей Богу правда!« отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ елмкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

»Мы никогда еще« продолжалъ высокій жидъ, »несоглашались съ непріятелями. А Католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чертъ приснится! Мы съ Запорожцами какъ братья родныя...«

Digitized by Google

»Какъ? чтобъ Запорожцы были съ вами братья?« произнесъ одинъ изъ толпы: »Недождешесь проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопишь поганцевъ!«

Эти слова были сигналомъ, жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны, жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые Запорожцы только смѣялись, видя какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу, и жалкимъ голосомъ молилъ: »Великій Господинъ, Ясне-вельможный панъ. Я зналъ и брата вашего покойнаго Дороша. Какой былъ славной воинъ! Я ему восемъ сотъ цѣхиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у Турковъ.«

»Ты зналъ брата?« спросилъ Тарасъ.

»Ей Богу зналъ: великодушный былъ панъ.«

»А какъ тебя зовутъ?«

»Янкель.«

Digitized by Google

»Хорошо, я тебя проведу.« Сказавши это Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли казаки его. »Ну полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и непошевелись, а вы братцы не выпускайте жида.«

Сказавши это онъ отправился на площадь, потому что раздавшійся бой лиштавровъ возвѣстилъ собраніе Рады. Не смотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украйнѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшемся широкомъ раздольи для подвиговъ, и при томъ, для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣчь, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, Куренные Атаманы, по коротькомъ совѣщаніи рѣшили на томъ, чтобы итти съ войсками прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

Digitized by Google

И вся Сѣчь вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны: пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрыпъ телегъ, все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа. Это былъ неограниченный повелитель. Это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гулливые рыцари стройно стояли въ рядахъ почтительно опустивъ головы, несмѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ розстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церквѣ служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою, всѣ цѣловали крестъ. Когда все Запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. Прощай наша мать! сказа-

Digitized by Google

ли почти всѣ въ одно слово. Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія! Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-то кремешки и всякую дрянь. »Дурень, что ты здѣсь сидишь?« сказалъ онъ ему: »развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили какъ воробья?« — »Молчите« отвѣчалъ жидъ. »Я пойду за вами и войскомъ, и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей Богу такъ! вотъ увидите!« Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

Digitized by Google

IV.

Скоро весь Польскій югозападъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами вмѣстѣ съ Католическимъ духовенствомъ. Запорожцы какъ бы пируя прошекали путь свой,

Digitized by Google

оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ Польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелатъ, находившійся тогда въ Радзивиловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между Запорожцами и Правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ Королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. »Скажи Епископу отъ лица всѣхъ Запорожцевъ; »сказалъ Кошевой »чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только люльки раскуриваютъ.« И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колосальныя готическія окна его, сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ солдатъ, жидовъ, наводнили многолюдные города и деревни почти оставленные на произволъ непріятеля. Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣд-

Digitized by Google

нѣе мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ съ своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомоществованіе немогло придти въ городъ, играли въ четъ и не четъ, курили люльки и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и не смотря на то, что они свои вольныя набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ ни что не могло преодолѣть ихъ терпѣнія.— Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, сгарали нетерпѣніемъ и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчь, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны

Digitized by Google

и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ-то Атлетическимъ, колосальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ ширѣ и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ спали, кромѣ нѣкоторыхъ стоявшихъ на сторожѣ. Ночь, Іюньская, прекрасная ночь съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: вблизи и вдали были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно

Digitized by Google

и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно встрѣтивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды и оторванные оглопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый, черный монастырь, какъ суровый Картезіанскій монахъ стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота, даже видны были издали сливы, получившіе фосфорической, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этаго иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіеся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни толь-

Digitized by Google

ко спутанные кони производили шумъ и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская физіогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: Такъ! это была Татарка! та самая Татарка, которая служила горничною при дочери Ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь и все минувшее, что было во глубинѣ, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ, все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее, вся гордая сила юности зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпи-

Digitized by Google

маго и страшнаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди: »Откуда? какъ? гдѣ твоя Панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значитъ? говори, не мучь меня!«

»Тише, ради Бога тише« говорила Татарка и закуталась въ казацкій кобинякъ, который было сбросила съ себя. »Панна узнала васъ между Запорожцами. Она въ городѣ.«

»Милосердый Іисусъ! она здѣсь? что ты говоришъ? она въ городѣ?«

Татарка кивнула утвердительно головою.

»Чтожъ она? говори, говори! чтожъ ты молчишъ?«

»Она другой день уже ничего не ѣла.«

»Какъ!«

»Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю.«

»Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?«

»Нельзя. Запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ

Digitized by Google

ваши обозы и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже взятъ. Панна приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей.

»Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!... когда бы мнѣ не умереть только до того часу.« Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ острiемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился изъ шатра своего, началъ отыскивать все, что только могъ найти съѣстнаго и скоро два небольшiе мѣшки были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки Татаркѣ, закутался ее плащемъ, и приказалъ сказать Паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ; онъ велѣлъ Татаркѣ, отнести припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только какъ бы безопаснѣе привести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ наполненнымъ военными снарядами. Къ счастiю его, Запорожцы, по обыкновенной своей безпечности, всѣ спали мертвецки. Тихо шелъ онъ съ нею рука объ

Digitized by Google

руку и желая обойти спящихъ толкнулъ ее нечаянно локтемъ, кобенякъ слетѣлъ и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ее бѣлое платье. Спаситель, она открыта! все пропало. Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ: Боже, какое счастіе! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобенякъ, полезла подъ телегу, небольшой четвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

»Андрій?« сказалъ въ это время поднявши голову старый Бульба, »какая это къ тебѣ Татарка приходила?«

Если бы кто нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

»Эй, смотри сынъ, ей Богу отдѣлаю тебя батогомъ такъ, что до представ-

Digitized by Google

ленія свѣта будетъ болѣть спина. Бабы не доведутъ тебя къ добру.«

Сказавши это Бульба, или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, что бы эта Татарка была изъ города, а признавъ ее за какую нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, какъ бы то ни было, только онъ поворотился на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ.

Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои и во все продолженіе этаго, сердце его млѣло, духъ занимался, и казалось, улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ обсмотрѣлся онъ вокругъ не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра и поползъ подъ телегу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось. Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ но-

Digitized by Google

гами своими ступени, идущія внизъ, кто-то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ. »Теперь идите прямо« говорилъ ему голосъ: это была Ташарка. Коридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стонами, которые не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные какъ смерть: это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ въ слѣдъ за Ташаркою; онъ лелѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастіе которой онъ готовъ былъ от-

Digitized by Google

дашь всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ взошелъ въ комнашу. Вездѣ была шишина: все или спало, утомленное сшраданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О какъ замерло его сердце! какъ замлѣлъ онъ весь, когда оно ему сказало, чшо черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидишъ.

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ шу, кошорая когда-шо была беззабошна, весела, вѣшрена, шаловлива, кошорая когда-шо надѣвала на него серги и убирала его своими прекрасными, легкими какъ крылья мошыльковъ, убранствами. Онъ опяшь увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ подвернувши подъ себя обворожишельную сшройную ножку. Она была шомна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзишельна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, шонкія, прекрасныя, придавали чшо-шо сшремишельное ея лицу, обдающее священнымъ трепешомъ сладкой боязни, въ первый разъ взглянувшаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя, какъ

Digitized by Google

мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ. — Что это было за созданіе! И это созданіе, которое казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казалось малою жертвою, это небесное созданіе терпѣло голодъ и все, что есть горькаго для жителей земли. Заплеснѣвѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоцѣнность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лице ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ. . . . О, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыб-

Digitized by Google

ка какой-то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза какъ бриліантъ повисла на рѣсницѣ.

»Царица!« сказалъ онъ, »что для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?«

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрылъ онъ ее поцѣлуями.

»Нѣтъ. Я не пойду отъ тебя. Я умру возлѣ тебя. Пусть же у ногъ твоихъ пожираемый голодомъ я умру какъ и ты моя Панна! и за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!«

»А твои товарищи, а твой отецъ,—ты долженъ итти къ нимъ.« говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ и глаза ея, полныя слезъ, несводились съ него.

»Что ты говоришь!« произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. »Что бы тогда за-любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросишь. Нѣтъ моя панна, нѣтъ моя прекрасная. Я не такъ люблю: Отца, бра-

Digitized by Google

ша, мать, отчизну, все, что ни есть на землѣ—все отдаю за тебя, все прощай! я теперь вашъ! я твой! чего еще хочешъ.

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки и лобзаніе, у! какое лобзаніе! слило уста ихъ прикипѣвшія другъ къ другу.

Digitized by Google

V.

»Пане!« сказалъ жидъ Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркитанствовалъ и шпіонничалъ при Запорожскомъ войскѣ. »Пане, знаете ли, что дѣлается?«

»А что?«

Digitized by Google

»Идетъ пятнадцать тысячь войска Польскаго и пушки везутъ.«

»Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать!« отвѣчалъ Бульба.

»А знаете ли, еще что дѣлается?«

»А что?«

»Вашъ сынъ Андрій, ой вей миръ, что это за славной рыцарь!..«

»Ну?«

»Онъ теперь держитъ сторону Польши.«

»Какъ?« подхватилъ Бульба, вскочивши: »чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... да я тебя убью, проклятой жидъ! врешъ ты, чертово племя!«

»Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру.«

»Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло?«

»Далибугъ, ей же Богу такъ.«

»Что бы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну?«

Digitized by Google

»Далибугъ, шакъ. Я его видѣлъ самъ собственными глазами. Фай, какой важной рыцарь! Сто восемдесятъ червонныхъ стоятъ одни латы, богатыя латы: всѣ въ золотѣ, а если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами.«

Тарасъ Бульба былъ пораженъ какъ будто громомъ. »Ты путаетъ, проклятой Іуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Если бы онъ былъ Турокъ, или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! Ей Богу, не можетъ!« Но однако же онъ вспомнилъ, что уже два дни, какъ его не видалъ, онъ вспомнилъ про Татарку, появлявшуюся въ его ставкѣ — и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. »Вишь чертова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ на позоръ всему роду!« Съ лицемъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сѣдлать коней. Между тѣмъ Кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и непозволять никакимъ обра-

Digitized by Google

зомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимся Польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было однако же болѣе, нежели пятнадцать тысячь. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ Старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противуположной стороны города ослабѣла. И хотя Польскіе войска были отбиты съ перваго раза и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ остававшійся въ городѣ рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія и дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду Запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волоса съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую непреломную стѣну — маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла Азіатскую стремительность съ Европейскою крѣпостію. Непріятель, не смотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ

Digitized by Google

въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ Начальствъ, и три Коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, по видимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какіе наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ съ небольшимъ числомъ бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ, но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъ естественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ

Digitized by Google

разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ нибудь сравнить: шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя и чупъ какъ змѣя раскидывался по воздуху; бѣшеной конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ; дорогой аксамитъ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и саблю и ружье и размахивалъ только одной ужасной непомѣрной тяжести булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство, чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшаго свою душу не со всѣмъ чистою. Блѣдный — онъ видѣлъ какъ гибли и разсѣевались его Поляки, онъ видѣлъ какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать, онъ видѣлъ какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья: »Спасите! « кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: »куда бѣжите вы! глядите: онъ одинъ.« Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши,

Digitized by Google

что ихъ гонитъ только одинъ съ тремя утомленными казаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли. »Нѣтъ, ты неуйдешь отъ меня!« кричалъ Тарасъ поражая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ. Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздо: ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

»Что, сынку?« сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

»Что, сынку?« повторилъ Тарасъ. »Помогли тебѣ твои Ляхи?«

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

»Такъ продать, продать вѣру? Проклятъ тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!«

Digitized by Google

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ-то изступленно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

»Ты думалъ, что я отдамъ кому нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью. Стой и не шевелись и не проси у Господа Бога отпущенія, за такое дѣло непрощаютъ на томъ свѣтѣ.«

Андрій, блѣдный какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя, но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной Полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колоссъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи волки розтар-

Digitized by Google

нали и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подъѣхалъ Остапъ. »Батько!« сказалъ онъ. Тарасъ не слышалъ.

»Батько, это ты убилъ его?«

»Я, сынку!«

Лице Остапа выразило какой-то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

»Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ!« сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу Запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарасъ оставилъ копье и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лице его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ тра-

Digitized by Google

урный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты. »Чѣмъ бы не казакъ былъ?« сказалъ Тарасъ: »и станомъ высокій, и чернобровый, и лице какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ! пропалъ безъ славы!..«

Трупъ опустили, засыпали землею и чрезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница въ томъ только, что онъ бился съ большимъ изступленіемъ, сгарая желаніемъ отмстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ наконецъ узналъ, кто былъ виною отступничества его сына и положилъ, во что бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это. Свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ. Онъ бы вытащилъ ее своею желѣзною рукою, ее обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинныя, обольстительныя волосы, и его кривая сабля

Digitized by Google

сверкнула бы у ея голубинаго горла.... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

Digitized by Google

VI.

Въ Запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣчь взята, раззорена Татарами и большая часть остававшихся Запорожцевъ забрана въ плѣнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно казаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу,

Digitized by Google

потому что тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно и плѣнные казаки могли вдругъ очутиться на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, итти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну Полякамъ и смерть Гетмановъ, и что опустошенныя поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ Запорожцы. На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ вьючить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ: »я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, Атаманъ! Вѣдь кажется въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?«

»Я посылалъ просить размѣна, — не соглашаются.«

»Такъ мы, стало быть, ихъ и оставимъ такъ?«

»Что жъ дѣлать.«

»Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?

Digitized by Google

»А что жъ дѣлать!« отвѣчалъ Кошевой: »вѣдь помочь нельзя; хоть и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: Татарва не станетъ ожидать насъ.«

»Такъ, стало быть, пусть еретичное поганство какъ хочетъ, такъ и ругается надъ Христіанскою вѣрою?«

Кошевой пожалъ плечами.

»А мнѣ кажется, Атаманъ, такъ не бывать этому.«

»А отъ чего жъ бы не бывать?«

»Да такъ; я уже знаю.«

»Ова! какъ важно!« сказалъ Кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

»Слышали ли вы, панове, что Кошевой хочетъ сдѣлать?« сказалъ Бульба, выходя отъ Кошеваго и обращаясь къ Запорожцамъ. »Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу, а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ непріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?«

»Непослушаемъ мы Кошеваго!« сказала въ одинъ голосъ часть Запорожцевъ,

Digitized by Google

отдѣлилась и стала на сторонѣ. Ихъ было около тысячи человѣкъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба. »Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы такой гвалтъ!« закричалъ онъ грозно.

»Мы не хотимъ итти на Сѣчу. Мы остаемся здѣсь!« кричала толпа.

»Что вы? сдурѣли? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!«

»Какую онъ можетъ имѣть власть?« сказалъ Тарасъ, обращаясь къ Запорожцамъ. »Мы вольные казаки!«

»А что жъ? мы вольные казаки!« говорили Запорожцы.

»Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? на Сѣчѣ. Вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы можете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право? — А ты что тутъ заводишь бунтъ?« сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

Digitized by Google

»Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ Христіанской!« хладнокровно отвѣчалъ Тарасъ. »Я стою за права наши, ибо мы должны защищать Христіанскую кровь.«

»Я тебя, старый чортъ, присмыкну къ обозу.«

»А ну попробуй!«

»Слушайте, пане-браты!« сказалъ Кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. »За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на Сѣчѣ забрала Татарва въ полонъ? Или вы думаете, что Татары поступятъ лучше, чѣмъ Ляхи?«

»То Татарва, а то Ляхи: другое дѣло,« отвѣчалъ Бульба. »Еще у бусурмена есть совѣсть и страхъ Божій, а у Католичества и не было и не будетъ. Постойте, хлопцы, и я скажу: Что, если бы вы попалися въ плѣнъ, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу, или жарить на сковродахъ? Что бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ

Digitized by Google

бы не захотѣлъ подать руку помощи, что бы вы тогда сказали?«

»А что бы сказали?« произнесли нѣкоторые: »сказали бы: вы помои, а не Запорожцы!« Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

»Стойте, хлопьята! и я скажу!« кричалъ Атаманъ. »Ну скажите, пановебраты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такими непріятелями? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!«

»Пропадать, такъ пропадать!« сказалъ Бульба.

»Оставайтеся же тутъ, если уже такъ захотѣли своей погибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда въ дорогу!«

»Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое!« сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно стали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе Запорожцы, уступивъ глаза въ

Digitized by Google

землю, начали говорить: »Оно конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь Лыцарскую, и мы поступаемъ по Лыцарскому обычаю. На то и живетъ человѣкъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что если о ней сожалѣть, то уже не знаемъ, о чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что такое смерть. Вѣдь пробовали всякія невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны нитать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ Запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные.... Спрашиваемъ каждаго, не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?«

»Никакого! всегда были довольны!« закричали всѣ въ одинъ голосъ.

»Ну такъ пусть же на разставаньи, что будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ, можетъ быть ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку; такъ поцѣлуемся всѣ.«

Digitized by Google

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

»Ну прощайте же, паны-браты, молодцы! Дай же Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы разскажете про насъ, что такіе-то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украйна, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами и съ нами!« Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ Кошевымъ Атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріятелемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи. Стоявшій на высотѣ отрядъ Польскаго войска не могъ не замѣтить нѣко-

Digitized by Google

шораго движенія въ войскахъ Запорожскихъ и уже рѣшился было въ тотъ же часъ сдѣлать нападеніе, но Французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ Польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: »нѣтъ, нѣтъ, господа! это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ Запороги,« сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребиный носъ, причемъ голосъ его, дотолѣ хриплый, пискнулъ дискантомъ; »этотъ народъ Запороги хитеръ какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ-дьяволъ.«

»Ну панове молодцы!« сказалъ Бульба по удаленіи войска: »теперь пришла намъ пора показать честь Запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался въ живѣ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, покотомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ,

Digitized by Google

выпьемъ, паны-браты, горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякой человѣкъ.«

Пятьдесятъ казаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпіевъ. Двѣ тысячи казаковъ подставили свои рукавицы.

»Прежде всего, пане-браты,« сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу: »долгъ велитъ выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло наконецъ такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы наконецъ Христіанами. Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нее молодцы одинъ другаго лучше, одинъ другаго лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ. И такъ, панове-браты

Digitized by Google

чтобы какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, разомъ за вѣру!..«

»За вѣру!« повторили ближніе ряды, поднявъ вверхъ рукавицы.

»За вѣру!« подхватили дальніе.

»За Сѣчь!« сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

»За Сѣчь!« грянули ближніе. »За Сѣчь!« отозвалось въ дальнихъ.

»За славу и за всѣхъ Христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!«

»За славу и Христіанъ!« повторили ближніе. »За славу и Христіанъ!« повторили дальніе.

»Теперь на коней, хлопьята!«

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою свыше естественной. Это не былъ дикой энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновеніе веселости, какой-то трепетъ величія ощущался въ сердцахъ этой гулливой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались

Digitized by Google

внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разрывалась эта масса. Польскіе войска, которые было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать пораженные робостію, и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать казакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ-то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина и нужно было живописцу схватить кисть

Digitized by Google

и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки и позабывшись билъ въ ладони, крича громко: »браво, месье Запороги!«

Около двухъ тысячъ человѣкъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы съ своей стороны не рѣшались итти далѣе. Въ виду самаго непріятеля взяли они оставленныя пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили также страшно, въ такомъ же точно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благопріятствовало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ Запорожцами послѣ такой славной битвы; но когда обсмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ новые войска приходили безпрестанно на помощь и если что спасло его отъ непріятельскаго напа-

Digitized by Google

денія, такъ это глубокая догадка Французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества Запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что Запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по Варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію. Цѣлый день казаки мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрыпѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобы они не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку. Часть Запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду: изъ нее подѣлали чучелъ и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они

Digitized by Google

тронулись, потянулись гужемъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и наконецъ пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріятеля. Запорожцы пріударили коней и понеслись. Еще полчаса времени — и они бы вѣрно встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ. Они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстротѣ Татарскихъ коней, можетъ быть Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ. Но какъ нарочно, Польскіе войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ казачей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали Запорожцевъ, одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли, что Запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человѣкъ запальчивый, въ ту же минуту от-

Digitized by Google

далъ приказъ устремиться на преслѣдованіе. Если бы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и тѣмъ, можетъ быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. »Вишь чортъ побери! Ляхи пронюхали«, сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами Запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ казацкой атаки и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искуства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ казаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною

Digitized by Google

стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицемъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя чрезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился на-легкѣ. Войска Польскіе, всегда отличавшіеся нетерпѣливостію, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны Запорожцевъ не облегчила ихъ. Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостію и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мѣлкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднятъ нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и увѣденъ въ толпу. Желаніе подать помощь и освободить лю-

Digitized by Google

бимаго сына, заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частію Запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія на всѣ стороны дѣйствуя и саблей, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламѣняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ сабельные удары посыпались на него кучею: онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони

Digitized by Google

разстоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ Запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной Польскими войсками.

Digitized by Google

VII.

»Долго же я спалъ!« говорилъ Бульба, осматривая углы избенки, въ которой онъ лежалъ весь израненный и избитый. »Спалъ ли я это, или на яву видѣлъ?«

»Да чуть было ты на вѣки не заснулъ!« отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачь, лице котораго одну минуту только блеснуло живостью и опять по-

Digitized by Google

грузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

»Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? [illegible]ъ кажет[illegible] [illegible]всѣмъ былъ подъ сабельными ударами и что было далѣе, я уже ничего не помню...«

»Объ томъ нѣчего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся.«

Товкачь былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. »А что же сынъ мой?.. что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?«

Товкачь молчалъ.

»Что жъ ты не говоришъ? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ плѣнъ нечестивые Католики — и я не высвободилъ тебя, сынъ мой! Остапъ мой! измѣнила наконецъ сила!« Морщины сжались на лбу его и раздумье крѣпко осѣнило лице, покрытое рубцами.

Digitized by Google

» Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи, да крѣпись; еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать. «

» Зачѣмъ? «

» За тѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2000 червонцевъ. «

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача. » Сынъ мой, Остапъ мой! « говорилъ онъ: » я не высвободилъ тебя! «

И приливъ тоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственнаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ на подобіе койки, укрѣпилъ поперегъ сѣдла и пустился во всю прыть на Татарскомъ бѣгунѣ. Пустынные овраги и непроходимыя мѣста видѣли его летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ и преслѣдованій и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться Запорожцы, но тогдашнія границы были

Digitized by Google

такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьи, куда онъ теперь держалъ путь свой. Онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его. Онъ дѣйствительно не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, не смотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ни что не могло развлечь его. По видимому, самыя пиршества Запорожцевъ казались ему чѣмъ-то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, то время, когда онъ гулялъ съ своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ неколеблемомъ лицѣ прорывалась раздирающая горесть и онъ тихо, понуривъ голову, говорилъ: »сынъ мой, Остапъ мой!«

Digitized by Google

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ; и Малая Азія видѣла ихъ съ бритыми головами и длинными чубами предававшими мечу и огню цвѣтущія берега ея; видѣла чалмы своихъ Магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ Запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы перерѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; Персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ Запорожскія коротинькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десяти-пушечный Турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью

Digitized by Google

Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цѣхинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: »Остапъ мой, Остапъ мой!« Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился и слеза капала одна за другою.

Когда жидъ Янкель, который въ то время очутился въ городѣ Уманѣ и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, когда жидъ Янкель молился накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ

Digitized by Google

себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая какъ червь обвиваетъ душу жида.

»Слушай, Янкель!« сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. »Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!« Лице жида нѣсколько поморщилось. »Какую услугу? коли такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать.«

»Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву.«

»Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву?« сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

»Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.«

»Какъ можно такое говорить?« говорилъ жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ. »Развѣ панъ не слышалъ, что уже....«

»Знаю, знаю все: за мою голову даютъ 2000 червонныхъ. Знаютъ же они, дурни,

Digitized by Google

цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2000 сей часъ!« При этомъ Бульба высыпалъ изъ кожаннаго гамана 2000 червонныхъ, »а остальные какъ ворочусь.« Жидъ тотчасъ схватилъ полотенцо и накрылъ имъ червонцы.

»Славная монета!« сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и и пробуя на зубахъ.

»Я бы не просилъ тебя. Я бы самъ, можетъ быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ нибудь узнать и захватить проклятые Ляхи. Ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете. Вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сей часъ запрягай возъ и вези меня!«

»А какъ же вы думаете мнѣ спрятать пана?«

»Да ужъ вы, жиды, знаете какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что нибудь другое.«

Digitized by Google

» Какъ можно въ бочку? Всякъ подумаешъ, что горѣлка! «

» Ну что жъ? То и хорошо. «

» Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно эдакое говорить! Развѣ панъ не знаешъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякой пробовалъ. Тамъ все такіе ласуны, что Боже упаси. А особливо военный народъ: будешъ бѣжать верстъ пять за бочкою, продолбишъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидишъ, что не течетъ, и скажешъ: жидъ не повезетъ порожнюю бочку, вѣрно тутъ есть что нибудь. «

» Ну такъ положи меня въ возъ съ рыбою. «

» Охъ вей миръ! не можно, ей Богу не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки, разкрадутъ какъ ни береги и пана нащупаютъ. «

» Такъ вези меня хоть на чортѣ — только вези! «

» Стойте, стойте! теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія-то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ

Digitized by Google

на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичемъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить папа.«

»Дѣлай какъ хочешь, только вези.«

И черезъ часъ возъ съ кирпичемъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель и длинные курчавые пейсики его развѣвались изъ подъ яломка по мѣрѣ того, какъ онъ подпригивалъ на лошади.

Digitized by Google

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякой могъ везти что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею

Digitized by Google

частію для своего собственнаго удовольствія, особливо если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичь не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главные городскіе ворота. Бульба въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпригивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные домы со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иног-

Digitized by Google

да только вверху ощекотуренной кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякой, что было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможные удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико Еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна; тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ.

Digitized by Google

По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался наконецъ изъ подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить стражей, но однакожъ онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

»Слушайте, жиды!« сказалъ онъ и въ словахъ его было что-то восторженное. »Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, вы-

Digitized by Google

копаете хоть изъ дна морскаго и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самаго себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ — я прибавляю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!«

»О не можно, любезный панъ! не можно!« сказалъ со вздохомъ Янкель.

»Нѣтъ, не можно!« сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другаго.

»А попробовать«, сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. »Можетъ быть Богъ дастъ.«

Всѣ три жида заговорили по Нѣмецки. Бульба какъ ни наострялъ свой слухъ,

Digitized by Google

ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово: »Мардохай« и больше ничего.

»Слушай, панъ!« сказалъ Янкель: »нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже ни кто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ! вотъ ключь! и не впускай никого!« Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились по срединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: »Мардохай, Мардохай.« Жиды безпрестано посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ въ концѣ ея изъ за одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ и замелькали фалды полукафтанья. »А! Мардохай! Мардохай!« закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тощій

Digitized by Google

жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказывать ему, причемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, причемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность,— но вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не поймётъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: »Когда мы, да Богъ захочетъ

Digitized by Google

сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно. «

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была просто страшилище. Толщина ее, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ безъ сомнѣнія давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ;

Digitized by Google

онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ наконецъ весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшаго окошка на улицу. Наконецъ уже ввечеру поздо показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

»Что? удачно?« спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было последняго локона, который хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

»О, любезный панъ!« сказалъ Янкель: »теперь совсѣмъ неможно! ей Богу неможно! Такой нехорошій народъ, что ему

Digitized by Google

надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ; Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ, но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.«

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

»А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются и одинъ левентарь обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левентару...«

»Хорошо. Веди меня къ нему!« произнесъ Тарасъ рѣшительно и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ Графомъ, пріѣхавшимъ изъ Нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій

Digitized by Google

шюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разослалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же шюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа. Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ съ просонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

»Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!«

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе трид-

Digitized by Google

цати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы, или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другаго билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы толь-

Digitized by Google

но тогда, когда Янкель сказалъ: »это мы, слышите, паны, это мы.«

»Ступайте!« говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу съ маленькими окошками вверху. »Кто идетъ?« закричало нѣсколько голосовъ и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. »Намъ никого не велѣно пускать.«

»Это мы!« кричалъ Янкель: »ей Богу мы, ясные паны!« Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который по всѣмъ примѣтамъ казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

»Панъ, это жъ мы. Вы уже знаете насъ и панъ Графъ еще будетъ благодарить.

»Пропустите, сто дьябловъ чортовой матькѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу....«

Digitized by Google

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники. »Это мы, это я, это свои!« говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

»А что, можно теперь?« спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они наконецъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

»Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой«, отвѣчалъ часовой.

»Ай, ай!« произнесъ тихо жидъ: »это скверно, любезный панъ!«

»Веди!« произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся къ верху остріемъ, стоялъ гайдукъ съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. »Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!«

Digitized by Google

» Ты, жидъ, это мнѣ говоришь? «

» Вамъ, ясновельможный панъ. «

» Гм... а я просто гайдукъ!« сказалъ трехъярусный усачь съ повеселѣвшими глазами.

» А я, ей Богу, думалъ, что это самъ Воевода. Ай, ай, ай...« при этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. » Ай, какой важный видъ! Ей Богу Полковникъ, совсѣмъ Полковникъ! Вотъ еще бы только па палецъ прибавить, то и Полковникъ. Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!«

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ; причемъ глаза его совершенно развеселились.

» Что за народъ военный!« продолжалъ жидъ: »охъ вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!« Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхнія усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

Digitized by Google

»Прошу пана оказать услугу!« произнесъ жидъ. »Вотъ Князь пріѣхалъ изъ чужаго края, хочетъ посмотрѣть на казаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ казаки.«

Появленіе иностранныхъ Графовъ и Бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы. Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи. И потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя:

»Я не знаю, ваша ясновельможность,« говорилъ онъ: »зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.«

»Врешь ты, чортовъ сынъ!« сказалъ Бульба: »самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!«

Digitized by Google

» Эге, ге! « сказалъ гайдукъ: » а я знаю пріяшель кто: ты самъ изъ шѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ. «

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность; но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастію, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

» Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы Графъ да былъ казакъ? А если бы онъ былъ казакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ Графской? «

» Разсказывай себѣ! « и гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

» Ваше Королевское Величество! молчите! Молчите, ради Бога! « закричалъ Янкель: » Молчите! мы ужъ вамъ за это заплотимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца. «

» Эге! два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину

Digitized by Google

бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ!« Тутъ гайдукъ закрутилъ верхнія усы. »А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!«

»И на что бы такъ много?« горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать. »Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!« сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

»Что жъ ты, чортовъ гайдукъ,« сказалъ Бульба: »деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не вправѣ теперь отказать.«

»Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать и васъ тутъ.... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе!«

»Панъ! панъ! пойдемъ, ей Богу, пойдемъ! Цурь имъ! Пусть имъ приснится

Digitized by Google

такое, что плевать нужно«, кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

»И на что бы трогать? Пусть бы собака бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ вей міръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О Боже мой! Боже милосердый!«

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

»Пойдемъ!« сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: »пойдемъ на площадь. Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.«

»Ой панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.«

Digitized by Google

»Пойдемъ!« упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ, не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленныя трупы, которые кричали съ просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали однако же случая полюбопытствовать. »Ахъ, какое мученье!« кричали изъ нихъ многіе съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольное время. Иной и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ небольшихъ и обыкно-

Digitized by Google

венныхъ головъ высовывалъ свое толстое лице мясникъ, наблюдалъ весь процесъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому, что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ Коханкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ

Digitized by Google

что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. »Вотъ это, душечка Юзыся,« говорилъ онъ: »весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачь и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать, и другіе дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, отъ того, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы.« И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за

Digitized by Google

перилы. Ясновельможные паны, довольно плошные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разныя напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки и какой нибудь высокой шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ; цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ. Но толпа вдругъ зашумѣла и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: »ведутъ! ведутъ! казаки!«

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были

Digitized by Google

отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: »Дай же Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится Христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!« Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

»Добре, сынку, добре!« сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачь сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ на-

Digitized by Google

рочно сдѣланныя станки и... я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Они были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь одних воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, до такой степени, что сдѣлался глухъ для человѣколюбія. Должно однако жъ сказать, что Король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе Казачьей Націи. Но Король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли Государственныхъ Магнатовъ, которые непостижимою недальновидностью, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностью превратили Сеймъ въ сатиру направленія. Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хрясъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными

Digitized by Google

зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ни что, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его. Лице его не дрогнулось. Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми однако же глазами и одобрительно только говорилъ: »добре, сынку, добре!«

Наконецъ сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. »Батько!« произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки, »батько! гдѣ ты? слышишъ ли ты?«

»Слышу!« раздалось среди всеобщей тишины и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

Digitized by Google

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: Тридцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой нибудь отрядъ, выступавшій для добычи, или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои,

Digitized by Google

за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства Гетмановъ своихъ и Полковниковъ, за насиліе жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнѣтенный народъ. Верховнымъ Начальникомъ войска былъ Гетманъ Остраница, еще молодый, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ Государственныхъ Магнатовъ, и очистить Украйну отъ жидовства, Уніи и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ видѣнъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его, Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь тысячъ полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво. Восемь опытныхъ Полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли, или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ. Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта,

Digitized by Google

слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ Совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и висѣлицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились казаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ Исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали Польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ Коронный Гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные казацкіе полки, и какъ приведенный въ крайность Польскій Гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны Короля и Государственныхъ Чиновъ и воз-

Digitized by Google

вращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но казаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы; и Потоцкій не красовался бы болѣе на шести-тысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ Русское Духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы Священника-старца — тронули казаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ Королю. Гетманъ и Полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ казаковъ. Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье малодушіе Полковниковъ. »Не попущу, Полковники, чтобы вы учинили такое дѣло!« вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. »Эй, не вѣрьте, паны, Ляхамъ!« повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ помахивая нагайкою и хлеснувши ею по

Digitized by Google

пушкѣ. Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать Гетману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: »оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня!« и голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое. »Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать — увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, Гетманъ, кожу! набьютъ ее гречаною половою и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣлѣетъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если не сваряютъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!

»А вы, хлопцы, хотите умирать?« продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: »умирать такъ, какъ умираютъ честные казаки? А можетъ быть вы думаете еще пожить, да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣсть не приберетъ врагъ. Что жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы? воротиться ли до дому, чтобы

Digitized by Google

каждый день колотила васъ жинка, и напившись пропасть гдѣ нибудь подъ тыномъ, какъ собака; или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу на вѣки?«

»За тобою, пане Полковнику! за тобою всѣ!« отвѣчали передніе въ полку: »веди! ей Богу, веди!«

»Добре, паны молодцы!« сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. »Вырѣжемъ все Католичество! чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!« Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе казаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей и только одно строгое повиновеніе къ Полковникамъ, бывшее всегдашнею ихъ добродѣтелію, препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетманъ и Полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказа-

Digitized by Google

ніе Тараса нѣсколько смутило ихъ, по крайней мѣрѣ они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро однако же пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова Гетмана вздернута была на колъ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что жъ дѣлалъ Тарасъ съ своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе, или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ни что похожее на жалость не проникало въ это старое серд-

Digitized by Google

це, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери, и молодыя жены и дѣвицы, изъ которыхъ иныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у олтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу, и растрепанныя волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые казаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: »это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ!« и такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ Польское Правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество. И тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Тарасъ понялъ опасность и поворотилъ назадъ. Проселочными дорогами,

Digitized by Google

ночью, скакалъ онъ съ своими казаками во всю мочь и одни только Татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и наконецъ настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшаго роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать саженъ внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь-то облегъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опус-

Digitized by Google

шѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а казаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ наконецъ окончиться медленною смертью. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узкой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно откоповшеюся глыбою скалы и вмѣсто нея осталась стремнина. Тарасъ рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости и уже казаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ остановившись и нагнувшись въ землю сказалъ: »стой, братцы! уронилъ люльку.« Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двигнулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало

Digitized by Google

прежде, схватившіе его гайдуки. »Эхъ, старость, старость!« сказалъ онъ почти что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ видѣнъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волоса. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, — и это вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія дѣлало его чемъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ее ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладонѣ. »Занимайте, хлопцы,« кричалъ онъ: »занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они.« Но вѣтеръ не донесъ его

Digitized by Google

словъ. »Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!« говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близь него:

»Хлопцы, къ берегу! къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны! а за вами въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу. Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!«

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны и всѣ слова были услышаны казаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ перевороттилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Казаки поворотили коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною:

Digitized by Google

однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обѣихъ концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшаго въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казаки только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свиснули — и Татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился; но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ Крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими Полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной Полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія рѣшился повторить и себѣ тоже: и желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но ост-

Digitized by Google

рые камни изорвали его, пропавшагося среди пропасти, въ клочки и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара, и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими казаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался съ верху на казаковъ, но они не обращали никакого вниманія и отчаливали отъ береговъ. »Прощайте, паны-браты товарищи!« говорилъ онъ имъ сверху: »вспоминайте иной часъ обо мнѣ. Объ участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо рознимутъ по кускамъ и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять! да погуляйте хорошенько!..« ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли что на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Немалая

Digitized by Google

рѣка Днѣстръ; а какъ погонишъ вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестываетъ до самого мѣсяца. Казаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно минали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ; дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего Атамана.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google